

ИНСТИТУТ ВИНДИКАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РСФСР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Красноглазов А.Ю., Писаренко И.С.

Калужский филиал Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (248003, Калуга, ул. Баженова, д. 2), e-mail: kafedra_istorii@mail.ru.

Институт виндикации получил новое применение в годы Великой Отечественной войны. По поводу и на основе исков, вызванных войной, в советском гражданском праве была разработана теория виндикации, в которой выделился ряд проблем. В условиях военных действий презумпция добросовестности приобретателя в некоторых случаях явно противоречила обстоятельствам дела. Во время войны, когда вопрос об охране имущества колхозов приобрел особое значение, усилилась тенденция к приравниванию кооперативно-колхозной собственности к государственной. Судебная практика, внося в применение ст. 60 ГК РСФСР уточнения, позволившие в ряде случаев более полно защищать собственников, лишившихся своего имущества в результате военных обстоятельств, не ввела, однако, неограниченной виндикации. Она только создала более строгие и узкие рамки для случаев, когда имущество не может быть истребовано собственником от добросовестного приобретателя.

Ключевые слова: виндикация, добросовестный приобретатель, иск, обязательство, право собственности.

INSTITUTE OF VINDICATION IN THE CIVIL LAW OF THE RSFSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Krasnoglasov A.J., Pisarenko I.S.

Kaluga branch of the Bauman Moscow State Technical University (248003, Kaluga, Bazhenova street, 2), e-mail: kafedra_istorii@mail.ru.

Institute of vindication gained a new application in the years of the Great Patriotic War. On the basis of claims caused by the war the Soviet civil law developed the theory of vindication, which identified a number of problems. Because of military operations presumption of bona fide purchaser in some cases contradicted the facts of the case. During the war, when the question of the protection of the property of the collective farms acquired special significance, the tendency to equate the collective-farm property to the state one increased. Judicial practice did not establish unlimited vindication, bringing in application of Art. 60 of the civil code of the RSFSR refinement that allowed in some cases to more fully protect property owners who lost their property as a result of military actions. It just created stricter and narrower limits in cases where the property cannot be claimed by the owner of a bona fide purchaser.

Keywords: vindication, bona fide purchaser, the claim, liability, property rights.

В Словаре иностранных слов [5] виндикация определяется как истребование собственником (истцом) своего имущества в судебном порядке от всякого третьего лица, владеющего этим имуществом без законного основания.

В отечественной историко-юридической литературе проблема виндикации во время Великой Отечественной войны освещена в статьях Г.Н. Амфитеатрова, С.Н. Братусь, А. Венедиктова, в исследованиях П.Е. Орловского, К. Юдельсона, М.М. Агаркова, Д.М. Генкина, В.И. Серебровского, З.И. Шкундина и во всей полноте изложена в монографии «Советское право в период Великой Отечественной войны» [2].

Великая Отечественная война послужила серьезным вызовом и значительным испытанием для всего советского общества. Коснулась она и правовой системы государства. Необходимость особого регулирования отношений в сфере народного хозяйства, интенсификации промышленного производства в целях обеспечения бесперебойного

снабжения вооруженных сил в годы войны привели к системному реформированию основных институтов гражданского права. Д. М. Генкин отмечал: «Охватывая все стороны хозяйственно-политической жизни нашей страны, Великая Отечественная война оказывает большое влияние и на гражданско-правовые отношения, ставит перед советским гражданским правом ряд самых существенных проблем» [3].

Достаточно остро встал вопрос о защите права собственности и совершенствовании института виндикации, так как в ходе военных событий имущество многих лиц вышло из их обладания. При этом освобождение оккупированных гитлеровскими войсками территорий и возвращение граждан на места своего проживания дали им возможность разыскивать и возвращать свое имущество. В силу этих обстоятельств одной из наиболее распространенных категорий гражданских дел в судах стали споры о возврате имущества [4].

Институт виндикации получил новое применение в годы Великой Отечественной войны. Как отмечал Г. Н. Амфитеатров, война задела очень остро интересы собственности. Естественно, что она как бы вновь дала жизнь виндикации и сообщила этому институту такую актуальность, какой он давно уже не имел: виндикация, стряхнув с себя кажущуюся неподвижность, оказалась сейчас на передовых позициях гражданского права [1].

По поводу и на основе исков, вызванных войной, в советском гражданском праве была разработана теория виндикации, в которой выделились четыре группы вопросов.

Первая группа вопросов относилась к уяснению того, *кем и против кого может быть предъявлен виндикационный иск*, т.е., выражаясь цивилистическими терминами, к определению активной и пассивной легитимации при виндикации. При этом следует заметить, что проблема легитимации не сводилась к простому определению участвующих в виндикационном процессе сторон, – в ней решался и вопрос об *основаниях и пределах* виндикационной защиты права собственности.

Общеизвестно, что основная цель виндикации – возврат вещи собственнику. Однако не только один виндикационный иск преследует эту цель. Требование о возврате вещи может быть заявлено и в других исках, а именно – в исках, возникающих из договоров, если в числе договорных обязательств имеется обязанность одной стороны возвратить вещь, переданную ей с какой-либо целью другой стороной. В этих случаях может возникнуть вопрос о том, каким из исков следует воспользоваться собственнику, истребующему свою вещь обратно.

Практически этот вопрос имел значение в случаях, когда было трудно доказать наличие договорных отношений, – в частности, при нарушении требования ст. 136 ГК РСФСР о письменной форме договоров на сумму свыше 500 рублей. В условиях военного времени, когда, например, в отношении договора поклажи отсутствие письменного оформления было частым явлением, вопрос этот приобрел особенную актуальность. Собственник, не имеющий

возможности доказать на суде свои договорные права на возврат вещи, был заинтересован в возможности виндицировать вещь от своего неисправного контрагента. В тех случаях, когда доказывание права собственности было легче, чем доказывание договорного права на возврат вещи, интересы охраны собственности требовали предоставления виндикационного иска даже при его потенциальной конкуренции с иском из договора.

Вопрос о конкуренции исков приобрел особую актуальность в военное время, когда наблюдалось стремление лиц, получивших вещь по договору на определенное время, отказываться в выдаче вещи, ссылаясь на ее порчу, утрату и т.п. При этом возмещаемые убытки определялись обычно ниже рыночной стоимости вещи, т.е. фактически происходило приобретение вещи на невыгодных для собственника условиях. В такой ситуации возврат вещи в натуре гораздо лучше обеспечивался виндикацией, чем обязательственным иском.

В судебной практике военных лет проявилось стремление допустить виндикацию и в отношении лиц, захвативших в свое владение чужую вещь, но так или иначе избавившихся от нее перед возникновением спора. Чаще всего фактические обстоятельства подобных дел сводились к тому, что ответчик, незаконно владеющий чужим скотом, узнав о возможности предъявления к нему иска со стороны собственника, либо поспешно продавал скот какому-либо лицу, от которого, если оно являлось добросовестным приобретателем, собственник уже не мог виндицировать данное имущество, либо резал скот и ликвидировал мясо. Низовые суды довольно часто допускали в подобных случаях «истребование» объекта, не существующего во владении ответчика.

В практике военных лет чаще, чем прежде, возникали некоторые случаи, для решения которых было бы удобно, если бы юридическая возможность истребовать имущество, попавшее к незаконному владельцу, была предоставлена не только собственнику, но и некоторым другим лицам, имеющим отношение к этому имуществу.

Обстоятельства этих случаев могут быть обобщены в следующие две типические группы. Родители отсутствующего военнослужащего, узнав, что его имущество почему-либо расходуется по чужим рукам (например, используются разведшейся с ним женой), стремятся взять его себе на хранение и предъявляют иск об истребовании этого имущества. Еще более частыми были случаи, когда лица, получившие имущество на хранение от отсутствующего собственника, но почему-либо не сумевшие сбечь его, истребовали его от незаконных владельцев. Основанные на подобных обстоятельствах иски нередко удовлетворялись судами [6].

Вторая группа вопросов связана с объектом виндикации – *все ли вещи, являющиеся объектом права собственности, могут быть истребованы в порядке виндикации*, а если

не все, – то какие именно находятся вне виндикационной защиты. Сюда же относятся и вопросы об объеме тех требований, которые могут быть заявлены в виндикационном иске.

Попытки советской судебной практики военных лет ввести виндикацию в отношении ответчика, более не владеющего вещью, обозначали бы в случае их упрочения и расширения ненужное в советском праве оживление фигуры «фиктивного владельца». Для истцов эти попытки представляли бы выгоду в тех случаях, когда они соединялись с попытками признать возможной виндикацию вещи, определенной только родовыми признаками (что также встречается в судебной практике). В подобных случаях ответчик, уничтоживший истребуемую от него вещь, присуждался бы к возврату одной из имеющихся в его владении вещей того же рода.

Однако компенсация собственника, лишенного вещи, могла быть в той же мере осуществлена и в порядке деликтного иска. В практике народных судов за военные годы все более и более намечалась также тенденция допускать возмещение вреда в натуре. Пока эта тенденция не была отвергнута, возврат вещей, определенных родовыми признаками, был возможен и по ст. 403 ГК РСФСР. Что же касается размера требований, могущих быть заявленными собственником, то взыскание упущенной выгоды при возмещении стоимости вещи могло дать ему не меньше того, что он получил бы, истребуя плоды вещи.

С точки зрения объема требуемых доказательств путь виндикации в данном случае был не менее, а даже более сложен, чем путь деликтного иска. Собственнику все равно приходилось доказывать не только то, что вещь находится у ответчика, но и то, что последний виновным образом перестал владеть ею.

Таким образом, ни теоретические соображения, ни соображения охраны интересов собственника не говорили ничего в пользу допущения виндикации в случае, когда к моменту ее предъявления ответчик перестал владеть вещью. Существование отдельных дел об истребовании по ст. 59 ГК РСФСР имущества от невладеющего им ответчика свидетельствовали не о преимуществах виндикации, а о том, что в нашей стране не было еще разработано во всех деталях возмещение имущественного ущерба по ст. 403 ГК РСФСР. Сохранение же права на виндикацию, если у ответчика не сохранился ее объект, представлялось в советском праве совершенно ненужным [6].

Третью группу представляют вопросы о *доказательствах, требующихся для удовлетворения иска*, – и о распределении бремени доказывания. Материально-правовая сторона этих вопросов заключается в том, что истец должен в первую очередь доказать свое право собственности. Ссылка на то или иное обоснование является в то же время ссылкой на способ приобретения права собственности. Признание судом представленных истцом доказательств является свидетельством того, что данный способ приобретения права

собственности, даже если он прямо не указан в законе, считается судебной практикой правомерным. Аналогичное значение имеет и признание доводов ответчика, отвергающего иск ссылками на то, что он сделался собственником спорной вещи на том или ином основании, считающемся законным.

Наконец, **четвертую группу** образовали так называемые вопросы ограничения виндикации, т.е. те *случаи, когда право на истребование вещи собственником отступает перед правами ее добросовестного приобретателя*, иначе говоря, – добросовестного владельца.

Из всего комплекса вопросов о защите права собственности особенное значение в условиях войны приобрел вопрос о правилах ст. 60 ГК РСФСР, т. е. *об ограничении возможности виндицировать вещь, попавшую добросовестному приобретателю*.

Во время войны истцами по виндикационному иску являлись, как правило, лица, особенно пострадавшие в результате нападения фашистских войск на нашу страну. Виндикация имела задачей вернуть разоренному собственнику ту часть утраченного имущества, которую ему удалось обнаружить в чужих руках. Естественно, что в подобных случаях интересы собственника заслуживали особо внимательного отношения и вызывали больше сочувствия, чем интересы владеющего его имуществом добросовестного приобретателя, защищаемого ст. 60 ГК РСФСР. Этот сдвиг выразился в стремлении судебной практики к сужению области применения ст. 60 и соответствующем расширении возможности истребовать вещь от добросовестного приобретателя.

В условиях войны презумпция добросовестности приобретателя в некоторых случаях явно противоречила обстоятельствам дела. Особенно очевидным это было по большой группе дел, возникающих в первый год войны в связи с массовой эвакуацией скота на восток из совхозов и колхозов, которым угрожало нашествие фашистских войск. При этом были случаи, когда лица, сопровождавшие стада, вместо того, чтобы довести их до места назначения, продавали отдельных животных по пути, т.е. частично разбазаривали скот. Как только организации-собственники скота выясняли подобную убыль в стаде, они начинали добиваться возврата им проданных по пути животных (чаще всего коров), но часто встречались с тем, что новые владельцы могли быть защищены правилами ст. 60 ГК РСФСР.

Это была первая категория дел, по которым охрана интересов добросовестного приобретателя оказалась в условиях войны ведущей к явно нежелательным и несправедливым результатам. Народные суды, исходя из правильных установок о необходимости возврата скота совхозам и колхозам, попытались идти по пути объявления последствий по ст. 147 ГК РСФСР. Верховный суд СССР дал, однако, директиву о том, что здесь нет оснований отказываться от виндикации. В интересах охраны социалистической

собственности и социалистического животноводства Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 22 апреля 1942 г. указал, что поскольку продажа скота в условиях эвакуации происходила в обстановке, исключающей возможность добросовестного заблуждения его приобретателей в праве продавцов на продажу скота, приобретатели последнего, как правило, не могут признаваться добросовестными приобретателями.

Дальнейшие попытки ограничить применение ст. 60 ГК РСФСР шли по линии уточнения категории собственников, которым она не препятствовала истребовать имущество. В самом тексте ст. 60 ГК РСФСР, как известно, было указано, что государственные учреждения и предприятия могут истребовать имущество от всякого приобретателя, т.е. даже от добросовестного. В теории советского права это выражалось положением, что государственное имущество подлежит неограниченной виндикации, что государство не связано ст. 60 ГК РСФСР в отношении принадлежащего ему имущества.

Во время войны, когда вопрос об охране имущества колхозов приобрел особое значение, усилилась тенденция к приравниванию кооперативно-колхозной собственности к государственной. Рассмотренное выше постановление Пленума Верховного суда СССР от 22 апреля 1942 г. поставило вопрос о возврате отчужденного во время эвакуации скота, принадлежавшего совхозам и колхозам, т. е. вопрос о скоте, составляющем социалистическую собственность. Однако, как уже было сказано, Верховный суд СССР разрешил этот вопрос только в плоскости недобросовестности приобретателей, а не в плоскости предоставления неограниченной виндикации наравне с совхозами, которые ее имели в силу ст. 60 ГК, также и колхозам.

Исключения из неприкосновенности добросовестного приобретения даны в ст. 60 ГК РСФСР, как известно, не только в отношении государственного имущества, но и в отношении похищенных и утерянных вещей. Стремление расширить область применения виндикационного иска по ст. 59 ГК РСФСР выразилось в стремлении расширительно толковать не только первое исключение, но и второе.

Военные условия поставили, однако, вопрос о применимости только что приведенных рассуждений к ряду военных дел об истребовании собственником присвоенного или отчужденного третьему лицу имущества. Военная обстановка и военная необходимость нередко отнимали у собственников, вверивших свое имущество третьим лицам, возможность тщательно проверять их честность и надежность (так называемая «необходимая» поклажа, когда в условиях какого-либо бедствия имущество вверяется первому встречному лицу).

В случаях отчуждения добросовестному приобретателю имущества, вверенного для хранения в связи с обстоятельствами военного времени (угроза оккупации, эвакуация и т.п.),

понятным являлось искание законных путей отобрания этого имущества у добросовестного приобретателя и возврата его прежнему собственнику.

Доводы в пользу возможности неограниченной виндикации не только похищенных, но и присвоенных вещей нашли некоторую опору в формулировке постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22 апреля 1942 г., говорящего о том, что продажа скота колхозов и колхозов погонщиками, не уполномоченными на подобные сделки, должна рассматриваться как хищение. Подобные толкования постановления Пленума Верховного суда от 22 апреля 1942 г. являлись результатом смешения терминов, так как хищение и похищение – понятия не совпадающие.

Следующая группа доводов исходит не из толкования текста законов или директивных актов, а из развития, имеющего широкое хождение теоретического положения о том, что от добросовестного приобретателя могут быть изъяты вещи, вышедшие из владения собственника помимо воли этого последнего, и не могут быть изъяты вещи, добровольно выпущенные собственником из своего обладания. Попытки ввести неограниченную виндикацию имущества, отчужденного лицом, которому собственник вверил его под давлением обстоятельств военного времени, исходят из того, что в данных случаях имущество выходит из владения собственника помимо его воли. Подобная аргументация, взятая в общем виде, основана на смешении значения воли и мотива при заключении сделки.

Подводя некоторый итог тем новым положениям, которые дали военные годы в отношении применения ст. 60 ГК РСФСР, следует сказать, что, в конечном счете, они не затронули существа этой статьи. Судебная практика, внося в применение ст. 60 ГК РСФСР уточнения, позволившие в ряде случаев более полно защищать собственников, лишившихся своего имущества в результате военных обстоятельств, не ввела, однако, неограниченной виндикации. Она только создала более строгие и узкие рамки для случаев, когда имущество не может быть истребовано собственником от добросовестного приобретателя. В то же время, если бы было признано, что кооперативно-колхозная собственность подобно государственной может быть истребуема от добросовестного приобретателя и что от него могут быть также истребуемы вещи, не только похищенные, но и преступно отчужденные ему лицом, которому они были вверены собственником, то фактически трудно было бы представить случаи, при которых добросовестный приобретатель мог бы удержать у себя имущество, виндицируемое собственником. При таком широком толковании исключений из действия ст. 60 ГК РСФСР о защите прав добросовестного приобретателя был бы положен конец. Однако руководящая судебная практика пошла не по этому пути, а по пути разобранных выше уточнений предпосылок применения ст. 60 ГК РСФСР к делам, обусловленным войной.

Такова была теория и практика развития в РСФСР гражданско-правового института виндикации, получившего довольно широкое применение в защите собственности советских граждан во время Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Амфитеатров Г. Н. Война и вопросы виндикации // Ученые записки ВИЮН. Вып. III / Под ред. И. Т. Голякова. – М., 1944. – С.44.
2. Амфитеатров Г.Н. Вопросы виндикации в советском праве // Советское государство и право. – 1941. – № 2. – С.38-48; Братусь С.Н. Некоторые вопросы науки гражданского права и судебной практики по гражданским делам в период Отечественной войны // Социалистическая законность. – 1944. – № 11. – С.30-38; Венедиктов А. Проблема защиты фактического владения в советском праве // Советское государство и право. – 1941. – № 4. – С. 120-125; Годельсон К. Вопросы советского гражданского процесса военного времени. – Свердловск, 1943; Орловский П.Е. Практика Верховного суда СССР по гражданским делам в условиях Отечественной войны. – М., 1941; Агарков М.М., Братусь С.Н., Генкин Д.М., Серебровский В.И., Шкундин З.И. Гражданское право. Т.1. – М., 1944.
3. Генкин Д. М. Великая Отечественная война и вопросы гражданского права // Ученые записки ВИЮН. Вып. III / Под ред. И. Т. Голякова. – М., 1944. – С.3.
4. Пономарев М. В. Развитие институтов гражданского права в период Великой Отечественной войны // Журнал российского права. – 2010. – № 3. – С.164.
5. Словарь иностранных слов. – М., 1955. – С. 140.
6. Советское право в период Великой Отечественной войны. Часть I. Гражданское право – Трудовое право / Под ред. И.Т. Голякова. – М., 1948. – С.37, 39-41.

Рецензенты:

Филимонов В.Я., д.и.н., профессор, зав. кафедрой отечественной истории КГУ им. К.Э. Циолковского, г. Калуга.

Елисеев В.С., д.ю.н., доцент, профессор кафедры природоресурсного и экологического права МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва.